

ЩЕРБАКОВА Н.Н.
Омск, Россия

УДК 81'233
DOI 10.26170/pla20-01-07

НАПРАВЛЕННЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. Направленный ассоциативный эксперимент обычно используется для диагностики речевых достижений обучающихся. Однако он может быть использован не только в процессе обучения, но и как действенный инструмент лингвистического анализа, позволяющий увидеть тенденции языковых изменений. В данной статье рассматриваются результаты ассоциативного эксперимента, направленного на подбор антонимов. На основе анализа результатов сделаны выводы о разных причинах несоответствия списка антонимов в словарях русского языка и полученных реакций: это не только слабое представление о семантике конкретного слова, но и семантические изменения лексических единиц, изменение их оценки, стилистической окраски, а также смещение на периферию употребления. Всё это свидетельствует о богатых возможностях использования направленного эксперимента для исследования лексико-семантической системы языка.

Ключевые слова: направленный ассоциативный эксперимент, антонимы, языковые изменения, лексико-семантическая система языка.

SHCHERBAKOVA NATALIA
Omsk, Russia

DIRECTED ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A MEANS TO IDENTIFY THE LANGUAGE CHANGES

Abstract. A directed associative experiment is usually used to diagnose students' speech achievements. However, it can be used not only in the learning process, but also as an effective tool for linguistic analysis, which allows you to see the trends in language changes. This article discusses the results of an associative experiment aimed at selecting antonyms. Based on the analysis of the results, conclusions are drawn about various reasons for the mismatch of the list of antonyms in the dictionaries of the Russian language and the reactions obtained: this is not only a poor idea of the semantics of a particular word, but also semantic changes in lexical units, a

change in their assessment, stylistic coloring, as well as a shift to the periphery of use . All this testifies to the rich possibilities of using a directed experiment to study the lexical-semantic system of a language.

Keywords: directed associative experiment, antonyms, language changes, lexical system of language.

Направленный ассоциативный эксперимент не столь широко используется в современной лингвистике, как свободный [Стернин 2011], однако он дает в целом ряде случаев «очень важные сведения для описания семантики слова как реальности языкового сознания носителя языка» [Виноградова 2013: 67]. Ограничения в выборе реакций дают возможность получить материал, отражающий как устойчивые, так и варьирующиеся звенья в парадигматических отношениях лексических единиц.

Рассмотрим данную проблему на примере направленного эксперимента с заданием подобрать антонимы к списку из 30-ти слов-стимулов, предложенного в пособии И. Л. Баскаковой и В.П. Глухова «Практикум по психолингвистике» [Баскакова, Глухов 2008: 31-32]. Предлагая стимульный список, авторы довольно жёстко требуют соответствия реакций тем единицам, которые зафиксированы в словарях антонимов: «...если на слово «позор» испытуемый отвечает словом «гордость», то такой ответ попадёт во вторую колонку [семантические парафазии – Н. Щ.], так как по словарю антонимов русского языка надо было написать слова «почет», «слава» или «честь». В третью колонку [неадекватные реакции – Н. Щ.] попадают те ответы испытуемых, которые не соответствуют инструкции вообще. Например, в ответ на слово «позор» испытуемый пишет слова «стыд», «осуждение» и прочие, не соответствующие «идее» (семантическим правилам) противоположности. Направленный ассоциативный тест, таким образом, проверяет не только знание языка, но и умение логически мыслить, соотносить различные типы связей, дифференцировать индивидуальные особенности» [Баскакова, Глухов 2008: 32].

Представляется, однако, что в данном случае несколько сужена ценность результатов направленного эксперимента, который ограничивается рамками знания / незнания языка. Представляется, однако, что полученные результаты, в частности,

семантические парафазии, могут стать свидетельством происходящих семантических изменений. В «Словаре антонимов русского языка», на который ориентировались авторы пособия [Львов 1984], в качестве материала для исследования использовались материалы классической русской литературы, но со временем в коллективном языковом сознании могли произойти семантические мутации, в связи с чем частотные семантические парафазии, вероятно, демонстрируют не только слабое понимание семантики предъявленного слова, но и возможные пути её эволюции в коллективном языковом сознании. Такое предположение возникло в процессе анализа результатов направленного эксперимента по заданной группе слов-стимулов, в котором приняли участие около 300 студентов факультета начального, дошкольного и специального образования Омского государственного педагогического университета, обучающихся на очном и заочном отделениях.

Сразу же отметим, что не все испытуемые дали реакцию на каждый из предложенных стимулов. Причины такого положения дел объясняются прежде всего наличием слов, значение которых оказалось для участников эксперимента неизвестным. Так, 85% студентов не справились со стимулом *адажио*, что выражалось не только в отсутствии реакции (это завершающее слово списка, а потому можно предположить, что участник не успел ничего написать в связи с нехваткой времени), но и в реакциях типа *не знаю значения слова, what?* и в проставлении вопросительных знаков. Предписанную словарем антонимов реакцию *аллегро* продемонстрировали только 5% участников, 9% указали реакцию *быстро*. Неадекватные реакции *в темпе марша* и *марш* отмечены у 1% испытуемых.

Неожиданно сложным для значительной части студентов оказалось слово-стимул *целина*. Почти половина участников эксперимента (49%) не дала реакций, лишь 5% указали адекватный антоним *пашня*, 2% показали непонимание специфики семантики слова *пахота*, очевидно, отождествив его с *пашней*, 7% указали в качестве антонима *поле*. Отдельные респонденты дали сходные по смыслу реакции, иногда окказиональные или диалектные: *вспаханная земля, освоенная земля, разделанная земля, засеянное поле, огород, роспашь*. Однако ни один другой стимул

не дал такой пестроты и разобщенности реакций, свидетельствующих к тому же о незнании значения слова. Так, часть испытуемых явно ориентировалась на внутреннюю форму слова, воспринимая его как абстрактное понятие (нечто целое), в связи с чем появились псевдоантонимы типа *участочек, клочок, начало, половина* и даже *разобщённость*. Для 20% испытуемых *целина* олицетворяет *землю* вообще, в связи с чем как антонимы были даны такие реакции, как *вода, небо, горы, лес, роща*. Кроме того, некоторые из полученных результатов явно неадекватны заданию, но они дают возможность увидеть ещё одну несомненную ценность направленного эксперимента – механизм подбора антонима. Это реакции типа *земля, долина, чернозём*, которые явно демонстрируют первую операцию по выполнению задания – соотнесение слова с обозначаемым явлением. Второй операции – подбора антонима – не последовало, возможно, по причине ограничения времени и спешки. Вероятно, по той же причине возникло слово-реакция *учёба*, которое свидетельствует о том, что данная единица не входит в перечень актуальной для реципиентов лексики и, вероятно, воспринимается исключительно как историзм, связанный с освоением целины в СССР.

Вместе с тем часть предложенных стимулов демонстрирует сильные звенья в семантической системе языка, о чем свидетельствует количество реакций, соответствующих предложенным словарем антонимов. Это следующие случаи: *чёрный – белый* (100%), *находка – потеря* (99%), *любить – ненавидеть* (97%), *взять – отдать* (89%), *тусклый – яркий* (88%), *скука – веселье* (82%), *холод – жара* (77%), *гладкий – шершавый* (61%), *беда – радость* (59%), *работа – отдых* (57 %).

Эксперимент показал также целый ряд слов, реакции на которые не совпали с ожиданиями или совпали в незначительной степени. Некоторые из этих случаев демонстрируют актуализацию лексико-семантических вариантов, которые прежде находились на периферии семантического поля. Так, ни один испытуемый не дал реакции *отчаяние* на стимул *радость*. Преобладающими реакциями были *горе* (37%) и *грусть* (31%). Слово *соперник* не вызвало у испытуемых ни одной реакции, совпадающей со словарем, предлагающим в качестве антонимов слова *партнёр, коллега, единомышленник*. Повторяющимися реак-

циями стали *друг* (51%) и *товарищ* (12%). Преобладающий антоним к слову *юноша* – *девушка* (93%), а не *старик*, который был указан лишь в 9% ответов, причем реакция *старик* зафиксирована преимущественно у тех участников эксперимента, возраст которых свыше 40 лет. *Земля* лишь в 28% соотносилась с антонимами *море* и *вода*, а 58% дали реакцию *небо*. К существительному *нерасторопность* ни один из участников не подобрал антонимов *проворливость* и *прыть*, а *ловкость* указали лишь 2% участников. Для 41% участников антонимом является *быстрота*.

Очевидно, в подобных случаях дело не столько в плохом знании языка, сколько в том, что эти ответы демонстрируют объективно существующие языковые изменения, которые могут быть объяснены различными причинами. В частности, на появление не совпадающего с прежним антонима может оказать влияние устойчивая фраза (фразеологизм, поговорка), в составе которой либо буквально, либо через синоним противопоставлены какие-либо явления. Этим, на наш взгляд, объясняется появление антонимов *земля* – *небо* (ср.: *земля и небо*). Аналогичная причина и в случае появления реакций *тьма* или *сила* на стимул *знание* (ср.: *ученье* – *свет*, а *неученье* – *тьма*; *сила есть* – *ума не надо*), а также подбор антонима *затишье* к слову *буря* (ср.: *затишье перед бурей*). Кстати, есть реакции, причина которых, по-видимому, – влияние разнородных факторов, в том числе сформированной научной картины мира, влияние художественной литературы, а также региональных климатических особенностей. Только совокупностью этих причин можно объяснить наличие у студентов, проживающих далеко от моря, распространения реакции *штиль* на стимул *буря* (39%). Кроме того, отмечены единичные реакции типа *бриз*, *гладь*, которые также связаны с морской тематикой. Из беседы после проведения эксперимента выяснилось, что *буря* соотносится с морем, и, хотя в Западной Сибири бывают бури, они, как правило, вызывают в памяти носителей воспоминания о зиме, а зимняя буря именуется *метелью*.

В некоторых случаях подбор антонимов манифестирует заметные смещения в семантической структуре лексемы в условиях многозначности. Так, для слова *согласие* ожидалась такие

антонимы, как *брань*, *ругань*, *критика*. Но только 1 студент выбрал слово *брань*. Остальные реакции ни один из участников эксперимента не указал. Семантические парафазии вроде *несогласие*, *отрицание*, *ссора*, *раздор*, *противостояние*, *разногласие*, *бунт*, *вражда*, *противоборство* и т.д. продемонстрировали 57 % участников, остальные в качестве антонима выбрали *отказ*, что свидетельствует об актуализации в коллективном сознании значения «утвердительный ответ на что-л.; позволение; разрешение» вместо прежнего «мирные, дружественные отношения» [Современный толковый словарь русского языка 2004: 768]. Аналогичные изменения наблюдаем и в появлении пары *соперник – друг, товарищ* (вместо ожидаемых *партнёр, коллега, единомышленник*), в которой очевидно смещение единицы *соперник* в сторону семантического поля *враг*.

Любопытные реакции получены также на стимул *знание*. Ожидаемая реакция *невежество* была продемонстрирована только в 5% ответов. Частотными оказались реакции, связанные с характеристикой личности-носителя знаний: *глупость* (32%), *тупость* (12%), к ним также примыкает и единичная реакция *необразованность*. В данном случае наблюдается отождествление явления и его носителя, что усиливает антропоцентрическое восприятие лексических единиц.

Среди полученных реакций, как правило, наблюдаются семантические смещения, но есть и случай стилистического влияния со стороны разговорной речи и просторечия. Так, подбирая антоним к единице *красивый*, 56% участников эксперимента выбрали прилагательное *страшный*, ещё 13% указали как антоним *ужасный*. Это свидетельствует о том, что данные единицы воспринимаются носителями языка как нейтральные, способные употребляться наряду с прилагательными *некрасивый* или *уродливый*. Между тем ни один из словарей современного русского языка не фиксирует у прилагательного *страшный* значения «некрасивый».

Результаты направленного эксперимента, таким образом, демонстрируют его богатые возможности как для уточнения проблем восприятия лексического значения обучающихся, так и для наблюдения над языковыми изменениями, а возможность непосредственного контакта с испытуемыми может помочь в опре-

делении не только направлений, но и причин языковых изменений. Это делает его ценным инструментом лингвистического исследования.

Литература

Баскакова И. Л., Глухов В. П. Практикум по психолингвистике. – М., 2008.

Виноградова О. Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – № 161. – С. 66-73.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М., 1984.

Современный толковый словарь русского языка /Под ред. С.А. Кузнецова. – М., 2004.

Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. – Воронеж., 2011.

©Щербакова Н.Н., 2020

Щербакова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, доцент кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644121, Россия, г. Омск, ул. Марченко, 11, 124.

E-mail: nata.ro@mail.ru

SHCHerbakova Natal'ya Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Subject Technologies of Elementary and Preschool Education. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).